

Судьба полковых знамен французской армии в сражении на Березине 26–29 ноября 1812 г.

Традиция использовать изображение орла в качестве навершия знамен известна с времен правления персидского царя Дария. «Орлы» венчали знамена и римских легионеров. В средние века они не использовались и вновь появились только в начале XIX в. на знаменах наполеоновской армии. Знамя, увенчанное орлом, вручалось от имени императора каждому полку¹.

Согласно декрету Наполеона «Об орлах, знаменах и штандартах» от 25 декабря 1811 г., бронзовое навершие знамени в форме орла могли получать пехотные части численностью не менее 1200 человек и кавалерийские, насчитывающие в своих рядах не менее 600 человек. Именно навершие-орел являлось главным элементом полкового знамени, и в том случае, когда неприятель захватывал его полотнище, а навершие оставалось в полку, считалось, что он не подверг себя бесчестию².

Выдача «орлов» вновь сформированным полкам рассматривалась как награда и производилась только после боевого крещения. Так, 127-й полк линейной пехоты французской армии, сформированный накануне похода в Россию, получил «орла» лично от Наполеона 20 августа 1812 г., прямо на поле боя при Валутиной горе³. Из данного факта следует, что в обозе Генерального штаба Великой армии во время военной кампании 1812 г. в качестве наградного фонда перевозились не только кресты Почетного легиона, но и «орлы» для 128-го и 129-го полков линейной пехоты французской армии, также сформированных накануне вторжения в Россию. Общее количество «орлов» во французских пехотных и кавалерийских полках Великой армии, равно как и их судьба до настоящего времени до конца не установлены. Отталкиваясь от этого факта, некоторые французские историки высказывают мнение, что в военной кампании 1812 года Великая армия не была разгромлена, так как «абсолютное большинство Орлов ее частей русским не досталось и судьба

их никому не известна»⁴.

Прекрасно понимая то значение, какое имеют символы воинской чести противника как наглядные доказательства победы над ним, командование русской армии вело их тщательный учет, информируя о каждом захваченном знамени императора Александра I. По заведенному им порядку, трофейные знамена французских полков и иностранных контингентов Великой армии отправлялись в Санкт-Петербург и устанавливались перед императорским кабинетом в Зимнем дворце. На протяжении 1812–1813 гг., в дни больших религиозных праздников, в сопровождении почетного эскорта их торжественно перевозили в Казанский собор, где и оставляли на хранение⁵.

Первый подсчет трофейных символов воинской чести Великой армии произвел и опубликовал в 1813 г. управляющий Особенной канцелярией военного министра полковник Чуйкевич⁶. Существенным недостатком его работы явилось отсутствие разделения трофеев на действительно почетные («орлы» французских полков и знамена иностранных контингентов великой армии) и второстепенные (флюгера, значки, занавеси от сигнальных горнов и т. д.).

В 1900 г. именно на данные полковника Чуйкевича ссылался член российского императорского дома Великий князь Николай Михайлович, внук императора Николая I и дядя царствовавшего монарха Николая II, отвечая на запрос французского историка Фредерика Масона, о точном количестве французских знамен, захваченных русскими войсками. В своем ответе Великий князь указал, что с июля по ноябрь 1812 г. было захвачено 75 знамен Великой армии⁷.

Сам факт участия в переписке с французским исследователем представителя российского императорского дома такого высокого ранга свидетельствует о важности проблемы судьбы воинских реликвий Великой армии в русско-французских отношениях. То обстоятельство, что Великий князь Николай Михайлович сослался на данные полковника Чуйкевича, позволяет предположить, что они считались достоверными и не требующими

уточнениям с момента публикации, т. е. с 1813 г.

Уместно будет добавить, что представитель Великобритании при Ставке главнокомандующего русскими войсками с. Роберт Вильсон, чьи мемуары были опубликованы в России в 1860 г., также утверждал, что за весь период военной кампании 1812 г. русские войска захватили у неприятеля 75 «орлов» и знамен⁸. Поскольку он специально не занимался этим вопросом, то с большой долей уверенности можно предположить, что данная цифра им взята из работы Чуйкевича.

Данные о количестве и обстоятельствах утраты символов воинской чести подразделениями Великой армии являются теми объективными критериями, на основании которых возможно выносить суждения о падении ее боеспособности. Поскольку знамена являлись воинскими реликвиями, то их охране уделялось самое пристальное внимание. Только в критической ситуации, когда возникала непосредственная угроза безопасности знамени, допускалась его разборка на составные части, которые доверяли наиболее надежным и сильным солдатам. Так, например, поступил «орлохранитель» 2-го кирасирского полка Тирион, который поместил полотнище штандарта и ленты к нему в чемодан командира полка, бронзовое навершие в форме орла – в чемодан полкового адъютанта, а древко сжег. Примечательно, что ответственность за самую ценную часть – «орла» – была возложена на молодого и сильного адъютанта⁹.

К различным мерам, призванным спасти знамена от угрозы захвата их русскими войсками, прибегали и в других частях Великой армии. Например, вюртембержец Руа утверждал, что по приказу командования корпуса половина знамен была отправлена в безопасное место еще до выхода из Вязьмы, а после нее остававшиеся в войсках знамена сняли с древков и передали на хранение наиболее выносливым солдатам¹⁰. Врач того же корпуса Роос вспоминал, что солдаты обвязывали полотнищами знамен тела, а он имел приказ внимательно наблюдать за каждым из них и оказывать врачебную помощь в первую очередь. Такие меры позволили вюртембержцам сохранить все знамена¹¹.

Следовательно, чем выше была боеспособность подразделений Великой армии, тем больше внимания в них уделялось сохранению своих знамен. В тех же частях, где вследствие боевых потерь, холода и голода процесс деморализации активно развивался, обеспечить их надежную охрану было невозможно, что создавало угрозу захвата знамен неприятелем. Стремясь ее предотвратить, во время реорганизации армии в Орше Наполеон распорядился снять с древка знамен расформированных полков бронзовые навершия в форме орлов и полотнища с лентами, возложив ответственность за их сохранность на полковых командиров¹². В данном случае речь могла идти о штандартах кавалерийских полков, так как к тому времени в результате массового падежа лошадей от бескормицы и гололедицы кавалерия как самостоятельный род войск фактически исчезла.

Можно предположить, что далее эти знамена были переданы в обоз Генерального штаба, под надежную охрану гвардии. Именно такие меры по сохранению знамен предусматривал приказ Наполеона, захваченный русскими войсками в конце военной кампании 1812 г. М.И. Кутузов переслал его подлинник императору Александру I, сопроводив припиской следующего содержания: «Имея счастье повергать к стопам Вашего Императорского Величества забираемые у неприятеля знамена и штандарты, долгом моим считаю всеподданнейше предоставить приказ от Наполеона выданный, коим повелено, оставив при каждом комплектном полку по одному только Орлу, все прочие отправить в депо»¹³.

Наиболее боеспособные части Великой армии (а к их числу относилась в первую очередь гвардия) своих знамен в обоз Генерального штаба не сдавали. Жители д. Студенка, где происходила знаменитая переправа Великой армии через р. Березину, вспоминали, что для строительства мостов саперы разобрали все избы, кроме одной, где грелся Наполеон и допускались погреться «гвардейские знаменщики, или орлохранители, так как и сами “орлы” были снесены в эту избу»¹⁴.

Подготовка к прорыву за Березину требовала усиления передовых частей, передачи им лошадей и повозок из тыловых обозов для перевозки

артиллерии и боеприпасов, поэтому в местечке Бобр Наполеон приказал сократить штабные обозы за счет уничтожения наименее ценных грузов. Так как кавалерийские части к тому времени были уже расформированы, то их знамена представляли собой не более чем историческую реликвию и вполне могли быть сожжены. Косвенным аргументом в пользу данного предположения выступает лаконичное свидетельство одного из участников отступления: «Император прибыл в Бобр. "Орлы" кавалерийских полков сожжены; мы уверены, что таким образом у нас их не отнимут»¹⁵.

Но сжечь можно было только полотнища знамен и штандартов, бронзовые навершия-орлы в пламени костра сгореть не могли. Значит, они либо продолжили отступление в обозе Генерального штаба, либо были надежно спрятаны на участке отступления от Бобра до Вильно. В настоящее время в Беларуси известен один такой «орел», найденный в ручье, протекающем через д. Лошница, в 1963 г., ее жителем Н.А. Наумовцом. Он передал его в краеведческий музей г. Борисова, где навершие-орел хранится и поныне. К сожалению, на его пьедестале отсутствуют цифры обозначающие номер полка, поэтому оно является безымянным¹⁶.

Очень ценным с научной точки зрения источником для выяснения судьбы «орлов» французских полков Великой армии в военной кампании 1812 г. является архивное дело «Переписка с Главнокомандующим русской армией, с инспектором артиллерии и начальником Главного штаба о пересылке трофеев в Петербург». Его материалы охватывают период с 21 октября 1812 г. по 12 сентября 1814 г. и позволяют установить судьбу символов воинской чести тех подразделений Великой армии, которые утратили их в сражении на Березине.

Так, два бронзовых навершия-орла были найдены в самом г. Борисове и в д. Студенка вскоре после окончания Отечественной войны 1812 года. О первом из них сообщил графу Аракчееву в Петербург командир 2-го саперного полка генерал-майор Грессер. Солдаты его подразделения в июле 1813 г. занимались восстановлением предместных укреплений у переправы в Борисове и в ходе земляных работ обнаружили «орла» от

штандарта польских войск¹⁷. Именно там шел бой между русскими войсками под командованием генерала Ламберта и польскими частями наполеоновской армии под командованием генералов Домбровского и Брониковского в ноябре 1812 г.

В апреле 1814 г. Минский военный губернатор генерал-майор артиллерии Игнатъев переслал в Петербург французского «орла», взятого 17 ноября 1812 г. «при переправе неприятеля через реку Березину под селением Студенкою 5-м Башкирским полком»¹⁸.

Все вышеприведенные факты имеют непосредственное отношение к судьбе воинских реликвий Великой армии, однако поскольку они датируются периодом после 1813 г., то не могли быть учтены в работе полковника Чуйкевича. Согласно его данным, в сражении на левом берегу Березины русские войска захватили четыре знамени, а в сражении на правом берегу – два¹⁹. Согласно исследованиям французского военного историка генерала Андоленко, трофеями русских войск генерала от кавалерии Витгенштейна в сражении при Старо-Борисове стали полотнища знамен 44-го и 126-го полков линейной пехоты из состава 12-й дивизии под командованием дивизионного генерала Партуно²⁰. Интересно, что полотнище знамени 44-го пехотного полка было найдено «в Минской губернии тамошним купцом-евреем Шмулой Даниловичем в ноябре месяце при трупe одного француза». В силу данного обстоятельства его нельзя отнести к числу почетных трофеев русской армии. В данном случае речь следует вести не о захвате символа воинской славы неприятеля на поле боя, а об обстоятельствах его утраты. Поскольку наверхия-орла при полотнище знамени 44-го полка линейной пехоты не было, по приказу императора Александра I, его отлили в мастерских Санкт-Петербургского арсенала и там же изготовили и недостающее древко²¹.

В другом сражении на левом берегу Березины, у деревни Веселово, войсками Витгенштейна было захвачено два знамени, одно из которых принадлежало итальянской гвардии²².

Что касается сражения на правом берегу Березины, то там войска под командованием адмирала Чичагова захватили полотнища штандартов 14-го

кирасирского и 3-го уланского полков²³. В письме Аракчеева главнокомандующему в Санкт-Петербурге Вязимитинову от 21 декабря говорится, что к этому штандарту, равно как к штандартам 4-го кирасирского полка и полка «копейщиков», «нужно приделать штандартныя древки и “орлы”, по образцу имеющихся в Санкт-Петербурге французских штандартов<...> древки делаются и “орлы” отливаются в Санкт-Петербурге, в арсенале»²⁴.

В трех случаях, как следует из материалов архивного дела, на пьедесталах наверший в форме орла, хранившихся в Казанском соборе Санкт-Петербурга, отсутствовали цифры, обозначающие номер полка. Так, в списке трофейных знамен под номерами 17, 18, 19 числятся навершия-орлы у которых «на коробке цифры сбиты»²⁵. Поскольку практика сбивания номера воинской части с бронзового навершия знамени представлена не единичным случаем, можно высказать предположение, что именно таким способом «орлоносцы» стремились избежать позора для своего полка в случае их захвата неприятелем.

Всего в Казанском соборе в конце XIX в. хранилось символов воинской чести французской армии в количестве 41. Кроме того, десять французских и четыре итальянских знамени времен военной кампании 1812 года находились в церкви имени Прузино, расположенного в Новгородской губернии. Оно принадлежало графу Аракчееву, в обязанности которого входило вести учет всех захваченных знамен, штандартов и «орлов». Примечательно, что из десяти хранившихся в Прузино французских знамен шесть принадлежали императорской гвардии. Каким образом они попали на хранение в имение Аракчееву, являлись символами воинской чести гвардейских полков Наполеона или простыми значками, остается только догадываться²⁶.

Из установленного факта реконструкции трофейных знамен французских полков Великой армии путем изготовления в арсенале Санкт-Петербурга копий их самой ценной части – бронзовых наверший в форме орлов – следует, что те из них, которые хранятся в настоящее время в музеях на территории Российской Федерации, являются подлинными лишь отчасти. Аутентичными являются полотнища штандартов 28-го драгунского, 3-го

уланского, 4-го, 9-го и 14-го кирасирских, равно как и полотнища знамен 21-го, 44-го и 126-го французских полков из состава Великой армии. Их самый ценный и важный элемент – наверхие-орел не имеют ничего общего с подлинниками, поскольку были отлиты в арсенале Санкт-Петербурга по приказу императора Александра I. Выяснение судьбы подлинных наверхий-орлов – символов воинской чести этих полков – требует специального исследования. Поскольку во Францию они не вернулись, то не исключено, что знаменосцы могли спрятать их в тот момент отступления, когда Великая армия попала в самое критическое положение.

С учетом «безымянных» наверхий-орлов, найденных в д. Лошница, на предмостных укреплениях в Борисове и непосредственно в районе переправы, количество различных элементов «орлов» французских полков Великой армии, определенных полковником Чуйкевичем как утраченные ими в сражении на Березине возрастает с шести до девяти. Следовательно, именно в сражении на Березине французские полки, составлявшие главную силу Великой армии, утратили наибольшее количество символов воинской чести за все время отступления. Данный факт можно расценивать и как пик деморализации Великой армии, для которой сражение на Березине явилось самым критическим моментом военной кампании 1812 г. Именно после этого сражения она прекратила существование как организованная, боеспособная, управляемая сила, а ее отступление превратилось в бегство.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Брокгауз и Эфрон: Энцикл. словарь. СПб., 1897. Т. 22. С. 127.
- ² *Соколов О.В.* Армия Наполеона. СПб., 1999. М. 525.
- ³ *Там же.* С. 533.
- ⁴ *Рахович В.Н.* Французский орел из Борисовского музея // Бородино и наполеоновские войны: Материалы междунаро. науч. конф., посвящ. 190-летию Бородин. сражения. М., 2003. С. 445.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 134. Ч.1. Л. 2, 3.
- ⁶ P. de Tschouykevitsch, colonel de l'Etat-Major général de l'armée, attaché fu Ministre de la guerre, *Réflexions sur la guerre de 1812*, Saint-Pétersbourg: Plucyart et C-ie, 1813. // *Bertin G.* La campagne de 1812: Collection nouvelle de memoires militaires. P., P. 326–335.
- ⁷ *Vogel Nadina.* Recherches sur des Dropeaux et les Etendards Urancais pris par L'Armée Impériale Russe et constrves en Russie // *Etudes Napoléoniennes.* 1994. Vol. IV. P. 121.
- ⁸ *Вильсон Р.* Очевидец компании 1812 года // Военный сборник. 1860. № 12. С. 336.
- ⁹ *Колюбакин Б.М.* Воспоминания офицера французского кирасирского 2-го полка о кампании 1812 года. СПб., 1912. С. 40.
- ¹⁰ Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев / Сост. А.М. Васютинский, А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов: В 3 ч. М., 1912. Ч. 2. С. 179.
- ¹¹ *Доктор Роос.* С Наполеоном в Россию: Воспоминания врача о походе 1812 года. СПб., 1832. С. 93.
- ¹² *Харкевич В.И.* Березина. 1812: Воен.-ист. исследование. СПб., 1893. С. 51.
- ¹³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 710. Рапорт М.И. Кутузова о захваченных у неприятеля знаменах.
- ¹⁴ *Игнатъев Р.Г.* Деревня Студенка, место переправы Наполеона через р. Березину // Минские губернные ведомости. 1877. № 33. С. 443.
- ¹⁵ Французы в России: 1812 год по воспоминаниям... С. 140.
- ¹⁶ *Rakhovitch V.* L'Aigle du Musée de Borisov // *Etudes Napoléoniennes.* 1994. Vol. IV. P. 118.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 134. Ч. 1. Л. 44.
- ¹⁸ Там же. Л. 98.
- ¹⁹ P. de Tschouykevitsch, colonel de l'Etat-Major général de l'armée... P. 333.
- ²⁰ *Andolenko C.R.* Op. cit. P. 281.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 134. Ч. 1. Л. 45.
- ²² *Andolenko C.R.* Op. cit. P. 281.

²³ Ibid. P. 281.

²⁴ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 134. Ч. 1. Л. 64.

²⁵ Там же. Л. 111.

²⁶ *Vogel Nadina*. Op. cit. P. 121.